

Герои Великой Отечественной

Фронтовые мемуары Победителей

КОМАНДИР

Николай Борисов

Т-34

НА ТАНКЕ
ДО ПОБЕДЫ

Николай Николаевич Борисов
Командир Т-34. На
танке до Победы
Серия «Герои Великой
Отечественной. Фронтовые
мемуары Победителей (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9532721

Николай Борисов. Командир Т-34. На танке до Победы: Яуза, Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79495-9

Аннотация

К 70-летию Великой Победы. Уникальные воспоминания командира Т-34, отвоевавшего на передовой более года, – для танкиста это был огромный срок, ведь танковые части зачастую дрались буквально «до последней машины»: их отводили в тыл на переформирование лишь после потери всей бронетехники. Автор 5 раз горел в подбитых «тридцатьчетверках», но и сам сжег более дюжины немецких танков, а уничтоженные орудия, автомобили, огневые точки и живую силу противника «даже не считали».

Содержание

Слово от автора	5
Довоенная жизнь	7
Начало войны	15
1-е Горьковское	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Борисов Командир Т-34. На танке до Победы

В коллаже на переплете использована фотография: Иван Денисенко/РИА Новости.

В оформлении переплета также использована фотография из архива автора.

В оформлении переплета использован элемент дизайна: Felix Lipov/Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Борисов Н.Ф., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Слово от автора

Как известно, прошлое не возвращается. Оно превращается в воспоминание, в нагромождение минувших событий, мыслей, чувств, расположенных безо всякого порядка. Время уже не властно над памятью. У памяти свои законы...

Валентин Катаев

Давно собирался кое-что вспомнить и написать о войне, как она виделась безусому лейтенанту, но все отвлекали дела, заботы. А потом как-то на досуге глянул на календарь и обнаружил череду различных дат, годовщин, юбилеев – государственных и семейных. Да еще каких! 65-летие, 75-ти, 85-ти. Понял, что отступать больше некуда! Пришлось засушить рукава...

Многое уже подзабылось, поэтому для начала пересмотрел имеющиеся архивные документы. Затем проштудировал мемуары ветеранов 1-й гвардейской танковой армии и 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса, в которых прошел настоящую школу побеждать. Сразу вспомнилось многое.

В своих зарисовках я постарался передать впечатления о самых разных событиях, пережитых в войну. О тяжелых боях и победах, о трудностях и лишениях, о веселом и грустном, и все же мои воспоминания прежде всего о людях. О

боевых товарищах, с которыми меня свела фронтовая судьба. Именно им я посвящаю эти строки.

Довоенная жизнь

Родился я 3 ноября 1924 года в селе Барское-Татарово Вязниковского района тогда Ивановской, а ныне Владимирской области.

По тем временам семья у нас считалась не самая большая, родители и нас четверо: старшая сестра Александра, 1910 г. р., Сергей, 1915 г. р., я и самый младший Володя, 1929 г. р.

Если говорить о жизни до коллективизации, то можно сказать, что мы хорошо жили. Даже займы давали. Во времена НЭПа отец с мужиками скинулись и купили молотилочку. Быстро обмолачивали свое, а потом помогали другим. Сколько земли имели, не знаю, но хозяйство было крепкое. Корову держали, лошадь, поросеночка, несколько овец, курочек, ну и имели при доме огород в 40 соток и сад. И сам дом был очень приличный – деревянный сруб. Внизу погребок, где соленья хранили. Приличный двор, баня своя на участке. В общем, все прелести для хорошей жизни у нас имелись, и, сравнивая с другими, я уже понимал, что на общем фоне мы весьма прилично живем. Корова есть, значит, и молочко имеется. Если теленочка зарезали, половину себе, половину продали. Хотя и налоги высокие платили, но нормально жили. А потом у нас организовали колхоз «Путь Ильича» и все, что полагается, мы отдали: лошадку, корову. Коллективизацию у нас стали проводить где-то в 30-м го-

ду, мне уже шесть лет было, поэтому я помню отдельные картиночки. Как собирались собрания, как проводилась агитация. Вот только отец у нас как крепенький середнячок особого желания вступить в колхоз не имел. Но обстановка так сложилась, что людям ясно дали понять. Если нет – что-то другое будет... На все наше большое село, тогда порядка ста домов было, у нас раскулачили, насколько я помню, три семьи. Отец возмущался: «Ну, какие они кулаки?» Просто работающие, зажиточные крестьяне, которые категорически отказались вступить в колхоз, то есть ни за что пострадали. Но их куда-то выслали, и в одном из их домов правление колхоза расположили, а в другом избу-читальню.

А в соседней деревне жила семья сестры моей мамы, так их раскулачили и отправили на Урал. Справедливо, несправедливо, я деталей до сих пор не знаю, но семья у них была довольно-таки мощная. Имели две лошадки и три коровы, а из шестерых детей – пятеро сыновей. И когда их раскулачили и выслали, вот тут отец уже окончательно все понял – придется вступить.

А когда вступил, его назначили бригадиром полеводческой бригады, потому что он выделялся способностями и физической силой. Два года отец бригадирил, а потом произошел такой инцидент. Один из его подопечных отказался выполнять порученную работу, и отец его начал «воспитывать», поддал ему под одно место. В результате тот пишет заявление в правление и отца начинают там по полной че-

ХВОСТИТЬ.

Понятно, он стоял на своем: «выполнял обязанности, а как иначе бездельников и тунеядцев воспитывать?» Долго все это длилось, и, в конце концов, ему объявили строгий выговор. Но он тоже, как говорится, закусил удила и пошел на принцип: «Не буду больше бригадиром!» Его не снимают, но и он на работу не выходит. В общем, скандал длился продолжительное время, его все уговаривали, стращали, пока он не написал заявление: «В соответствии со статьей такой-то устава сельхозартели прошу меня исключить из состава...» А в это время его младший брат был военкомом нашего района, и он как-то помог. Доказал, что отец прав и требования устава нужно выполнять. И только тогда отца отпустили. Он устроился ездовым и всю жизнь проработал в артелях в нашем поселке Мстера. А мы с Володей и мамой числились колхозниками. Я, например, начал работать в колхозе практически с двенадцати лет. Как каникулы – я непременно в колхозе.

Отец о новой власти старался плохого не говорить. Но когда с мужиками хорошо заложат, высказывал, было дело. Не то что критиковал власть, но, допустим, так мог выразиться: «Были же времена, когда мука была отличная. Из нее пирог высокий получался, как полагается. А сейчас мука совсем не та.» Но он понимал, когда и что можно говорить. Тем более его брат находился на руководящей работе, и отец понимал, что нельзя его подвести. Он вообще был мудрый мужик,

много всего повидал в жизни.

Дело в том, что наш поселок еще чуть ли не с XVIII века специализировался на изготовлении икон, и там работала художественная школа по иконописи. Но ведь эти иконы надо было продавать. Так отец, еще будучи подростком, вместе со взрослыми ездил ими торговать в Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Санкт-Петербургскую губернии, даже за Урал ездили с разными приключениями.

А в армии он служил в Подольском полку, который формировался в Шуе, и дослужился до унтер-офицера. Бывало, хвалился: «Это не то что нынешние сержанты! Командира полка мы почти не видели, так что это мы были настоящими начальниками!» И когда немножко выпьет, любил команды подавать: «На построение!» А голос у него был приличный. В детстве даже в церковном хоре пел. Рассказывал кое-что и про фронт.

Например, как попал в плен в Брусиловском прорыве. И очень по-доброму вспоминал работу у хозяина в Австро-Венгрии. Он у него по хозяйству работал и в лавке за прилавком стоял. Но, вспоминая это время, всякий раз сокрушался: «Вон Иван Алексеевич в плену выучил немецкий язык и сейчас в школе преподает. Этим хам-хам, хам-хам деньги зарабатывает. А я по-прежнему горбом да руками... Надо было тоже учить, да дураком был.»

Привез из плена бритву, которой брился до самой смерти. А прожил он 90 лет. Точил, налаживал и приговаривал:

«Лучшего мне и не нужно!» И привез свой крест «За заслуги». Я его спрашивал: «Как же ты его сохранил-то в плену?» – «Подшивал в одежду и никому не говорил». Этот крест долго у нас в шкатулочке хранился, но потом и он, и мой осколочек, который я отдал матери, куда-то задевались.

У нас в селе стояла Никольская церковь. Очень красивая, величественная, чуть ли не XVII века постройки. Так я помню, что арестовали священника. Куда-то пропал, но семья осталась. Но через месяц или два отец Василий вдруг вернулся и с год, наверное, еще побыл. К тому времени храм уже закрыли, но он чего-то там пытался. По великим праздникам ходил по селу, никому не навязывался, но если его просили, заходил в дом и проводил обряды. Помню, он к нам так на Пасху зашел, но я с перепугу спрятался под стол. Выманили меня только с помощью конфетки и положенный ритуал состоялся.

Но через год он опять пропал, и на этот раз навсегда... Причем в этот раз вместе с семьей, а там же трое ребятишек. Соседи рассказывали, что их забрали ночью на «воронке».

Еще хорошо помню, как с нашей церкви колокола сбрасывали. Мне уже было лет 10–11, когда прошел слух – сегодня будут снимать. Собрался народ, в основном пожилые бабульки. Ну и мы, пацаны, конечно, тут как тут.

Приехали чужаки, и, видимо, они уже опыт имели, потому что умело принялись за дело. Сначала маленькие колокола сбросили. Потом спустили большой, а он в дверной проем не

проходит. Начали выбивать кирпичи, но это же не нынешняя кладка, там словно железо, поэтому задержались еще на сутки. И когда упал большой колокол, от него откололся большой кусок. Бабки и так все это время причитали, а тут просто стали проклинать этих «антихристов». Все ближе и ближе подходили к ним. Но те ничего не отвечали. Молча все проделали, погрузили на свои подводы и увезли.

Родители восприняли это очень тяжело. Отец, может, и не такой верующий был, не помню, чтобы молитвы читал, но часто крестился и по великим праздникам ходил в церковь. А вот мама у нас была очень набожная женщина. Постоянно перед едой молилась, перед сном. Лампадочку зажигала, крестилась, молилась. Но этой темы мы почти не касались и нас особенно не приучали. Хотя все мы, конечно, крещеные, но вот крестик я не носил и ни одной молитвы не знал. Но в церковь ходил. По большим праздникам мы обязательно всей семьей ходили. До сих пор отлично помню, какой аромат ладана стоял в нашей церкви, где какие иконы находились. Ну и все праздники у нас справляли, как полагается. Готовили все самое лучшее, понятно, что у нас в сердце отложилось ощущение праздника. Мужички собирались. Отца я в жизни пьяным не видел, но выпить он любил. А по такому поводу, как говорится, не грех и выпить и закусить.

Отец с матерью все посты соблюдали. Отец, правда, иногда бурчал маме: «Я скоро ноги таскать не буду...» А она ему так выговаривала: «Ты сам подумай. Столько лет прожил, но

никакими болезнями не болел, в больнице не лежал. Тебя Бог бережет!» – и он соглашался.

Когда подошел срок, родители собрали меня в школу. Конечно, никакого портфеля не было, обыкновенная холщовая сумка через плечо. Собрались у школы, ждем, но что-то никого нет. Двери в школу открыты, в классах вроде все готово, но учителей почему-то не видно. Мы тут, конечно, бегаем, веселимся, ждем звонка. Потом смотрим, с поселка идут трое: мужчина в возрасте и две девочки. Прошли в школу – сразу звонок дали. А школа у нас бывшая церковно-приходская: два класса, комната для труда и коридор. Нас всех построили, и состоялось представление: «Вот для 1-го и 3-го класса учительница такая-то. А 2-й и 4-й в соседнем классе. Учительница такая-то».

Дома спрашивают: «Что там у вас за учительница?» – «Да девочки какие-то пришли». – «Что вы голову морочите, какие еще девочки?» Потом выясняется. Эти девочки окончили 7-й класс, за лето прошли краткосрочные курсы, и их запустили на самостоятельную работу к нам в глубинку. Вероятно, для эксперимента. Но ясно же, что вышло горе, а не обучение. Кто хочет приходит, кто хочет, уходит... А весной эти девочки и сами загуляли, убежали из школы, и мы остались сиротами.

Им на смену прислали двух женщин, они попытались привести нас в норму, но ничего не вышло. Поэтому было принято решение – всех оставить на второй год. Вот так я ока-

зался второгодником.

А на следующий год еще же подошел 1-й класс, детишек-то много было, и теперь за каждой партой сидели по четверо. Кто на коленках, кто сбоку. А учителями прислали семейную пару. Возрастные муж с женой – Тихомировы Елена Никифоровна и Николай Петрович. Взяли они нас в шоры и в течение первой четверти привели к норме.

Четыре класса закончил, пошел в семилетку в поселок. Там две школы работало. Средняя – 11-я и семилетка – 12-я. Ясно, что все ближайшие деревни в эту семилетку. А поселковых в среднюю – привилегия. Тут мы стали понимать, что вроде мы и одинаковые, но не совсем. Там и условия лучше, а мы в пяти разных зданиях.

Учился я хорошо, но не отличник. После 7-го класса большинство наших сельских пошли работать, а учиться дальше осталось всего пять человек. В том числе и я. Мама у нас почти неграмотная была, но мудрая женщина, и она сказала решающее слово: «Колька, ты учись! Впереди только так можно по-настоящему в жизни устроиться! А мы и без твоих рук обойдемся!»

И когда я школу оканчивал, думал, что пойду учиться в сельскохозяйственный институт. То ли на агронома, то ли еще на кого-то. Как-то мы побывали в гостях у дяди, а они как раз приехали с отдыха на юге и привезли немного фруктов: груши крупные, виноград. И почему-то у меня появилась мысль – займусь виноградарством.

Начало войны

Летом 1941 года я, как всегда в каникулы, работал в колхозе. В те дни картошку, что ли, окучивали. А председатель был разумный мужичок, и он нам говорил так: «С утра по холодку поработаете, а днем отдохнете. В футбол поиграете. А после обеда еще пару часиков поработаете». И вот прихожу к полудню домой, а мама мне и говорит: «Коля, по радио сказали, что в 12 часов будет важное сообщение!» В селе тогда электричества еще не было, но радио уже провели, и у нас дома эта черная тарелка на стене висела. Прослушал выступление Молотова, и концовку его запомнил на всю жизнь – «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Лично для меня весть о войне оказалась неожиданной. Правда, когда старший брат Сергей встречался с отцом, то я слышал, как они поговаривали: «Обстановка какая-то сложная, беспокойная. Не исключено, что может быть и война...» Такие разговорчики были, но в силу возраста я их не особенно воспринимал.

Многие ветераны вспоминают, что молодежь чуть ли не с радостью восприняла начало войны. Не скажу, что я с радостью воспринял эту новость, но у меня была твердая уверенность, что мы с ними быстро справимся. Мы же все были воспитаны на фильме «Чапаев», мечтали стать командирами, и

я думал вначале, что мы их эге-ге-гей как погоним... Хотя отец постоянно говорил: «Немцы не дураки, не то что мы. Нас пока тут раскачают, тогда мы чего-то можем, а у немцев точный расчет. Я их хорошо знаю!» Тем не менее он тоже был убежден в Победе: «Германия же маленькая, а мы вон какая махина.» Но когда пошли похоронки и когда всех мужиков зачистили, тут, конечно, стало тревожно.

Но патриотизм был большой. Помню, в школе карту повесили, отмечали на ней флажками продвижение войск, а они все ближе и ближе к нам. И лишь когда немцев под Москвой разгромили, тут уже пришла уверенность – точно победим!

Впрочем, обсуждать неудачи начального периода войны было особо некому. Потому что более грамотными и активными были мужчины, но их всех подчистую загребли в армию. А среди женщин я таких обсуждений не слышал. Но вначале, конечно, настроение было неважное.

Все лето до призыва я отработал, даже бригадиром назначили, и председатель колхоза Анатолий Иванович Беляков уговаривал меня бросить школу и работать в колхозе. Но родители сказали однозначно: «До 1 сентября хорошо поработай, а потом учиться надо!» И осенью я пошел в 9-й класс.

Но проучились с месяц, наверное, а в октябре 41-го последовало распоряжение – построить вокруг поселка противотанковый ров. И всех учеников, начиная с 7-х классов и старше, бросили на рытье этого рва.

Копали мы его недели две. Ребята копают, а девочки по

кухне. В перерыв выскакиваем, картошки поели и опять за работу. Он же шириной пять метров, глубиной три, а в длину три с лишним километра.

И на всем протяжении люди, люди, люди... Потом на фронте мне такой ров встретился раз в Польше, но там уже я понял, как его преодолевать.

Эвакуированных в нашем селе не было. А вот наш поселок по тем временам считался большим, 11–12 тысяч жителей, и туда эвакуированных много приехало, и сразу два госпиталя открыли. Один обустроили в школе, а другой – в здании художественной школы.

Знаю, что среди эвакуированных было много москвичей и ленинградцев. Например, в поселковую больницу прибыл врач из Ленинграда. Я слышал разговоры, что хирург он был исключительный. Очень его хвалили. И тихонько добавляли: «Еврей». У нас же евреев совсем не было, их и не видел никто. Я его потом видел пару раз. Возрастной уже, и без ноги, на протезе ходил. Насколько я знаю, он так и остался жить в Мстере до конца жизни.

К моему уходу в армию двое наших односельчан уже вернулись после ранений домой. Кое-чего о фронте они, конечно, рассказывали, но не очень уж. Все-таки это совсем другое время было. Не то что сейчас, когда абсолютно все можно сказать. Тогда все-таки народ жил под контролем. И доносили друг на друга. Обстановка ужасная была, чего там говорить.

Повестку я получил в день нашего престольного праздника Покрова – 14 октября. А вот мои одноклассники, которые родились в начале года, были призваны раньше, и некоторые из них успели попасть под Сталинград.

Мама подсуетилась и вызвала меня с занятий: «Собираться надо!» Хотя уже заранее все было готово. Мама, конечно, плакала, а отец как мужчина бодрился и меня вдохновлял: «Смотри там, науку познавай по-настоящему...» Но особых разговоров не было. И так ясно, какая обстановка. Обнялись, расцеловались, мама перекрестила, и вперед.

Отец попросил телегу в колхозе, и после обеда прибыли мы в район. Только вошел в военкомат, представился, а на меня сразу: «Почему так поздно?» Прошел медицинскую комиссию, а на мандатной мне говорят:

– Будем рекомендовать тебя в танковое училище. Возражения есть?

– Нет!

Так я оказался в группе из пяти человек, которую направили в это училище.

Познакомились. Один из них оказался мой однофамилец – Борисов.

– Откуда ты?

Земляк и однокашник Алексей Черепенин

– С города.

Грязнов и Петров тоже были с Вязников. А четвертый говорит:

– А я с Мстеры!

Я пригляделся, а он невзрачный какой-то, худенький, но его лицо показалось мне знакомым:

– А мы с тобой случаем не учились вместе?

И оказалось, что он в нашей школе окончил 10-й класс в 42-м году. Так я познакомился с Алексеем Черепениным:

– Очень хорошо, что землячок. Будем держаться вместе!

1-е Горьковское

Училище стояло в Гороховецких лагерях, и ехать нам было недалеко. Ночью нас посадили на поезд, и уже через три часа прибыли на станцию Ильино. Вышли, глубокая ночь... Расспросили, где танковое училище, и уже к рассвету оказались на месте.

Назначение именно в танковое училище меня не радовало и не огорчало. Я по жизни всегда плыл по течению. Что судьба предлагала – надо брать, и без всяких!

Надо сказать, что 1-е Горьковское танковое училище это в прошлом Борисовское автомотоциклетное, но в июле 41-го его перебросили в Гороховецкие лагеря и уже здесь переделали в чисто танковое. По танковому профилю мы были всего второй набор.

Условия, надо прямо сказать, были спартанские. Кругом лес, солидные сосны, местами ольха. Местность пересеченная – песок, болота, но у нас только штаб, клуб, два учебных корпуса и офицерская столовая находились в деревянных постройках, а все остальное в землянках.

Сами землянки просто огромные – в каждой две роты по 125 курсантов. Разделены перегородкой, но все слышно. И ясное дело – все было рассчитано по минимуму. Нары двухъярусные, печурка – вот, пожалуй, и вся нехитрая обстановка.

Рядом небольшая ленинская комнатка и каптерка. Неда-

леко землянка командования батальона, рядом землянка-столовая. В 20 метрах умывальник, рядом колодец. Дальше небольшой строевой плац и спортивный городок. А метров за 300 озеро Инженерное. На берегу его – баня. И войск кругом видимо-невидимо! Как мы сами шутили – «кругом одни сосны, песок да солдаты».

Наша 4-я курсантская рота состояла из 120 курсантов. В основном ребята были из ближней округи: из Горького, из Тульской, Ивановской областей. Семьдесят пять процентов вроде меня – 17—18-летние юноши, остальные бывшие солдаты в возрасте до 30 лет. Большинство комсомольцы и 7 коммунистов. Были среди нас и 12 человек, которые уже успели повоевать. А трое из них даже имели правительственные награды.

Втягивание началось очень быстро. Курс молодого бойца прошли за несколько дней, потом завели нас в баню. Помыли, постригли, переодели, а мы смеялись, не узнавали друг друга. Все как одинаковые...

На головы выдали буденовки. Поношенные, но постиранные. Шинель длинная, но протертая до невозможности. Если присмотреться, основание вроде есть, но самой шерсти уже нет. Обмундирование выдали еще довоенное, темное – танковое, но такое же заношенное, как и шинели. Помню, уже через неделю у меня колени на штанах треснули, и я их ремонтировал до самой весны.

Учебный процесс начался 1 ноября. Распорядок дня был

очень жесткий. Подъем в 6.00, физзарядка с километровым кроссом в течение часа. В зависимости от температуры воздуха занимаемся с открытым торсом, в рубашке или в гимнастике. В столовую шли строевым шагом с песней по большому кругу.

Плановые занятия – десять часов и два часа самоподготовки. Кроме спецзанятий в течение недели два часа строевой и три часа физической подготовки. Перемещения во время занятий только бегом. К каким-либо хозяйственным работам нас почти не привлекали, зато плановое обслуживание техники в любую погоду. И по воскресеньям скучать не давали. Чистили пешие тропы и дороги от снега, парки, складские территории. Участвовали в различных соревнованиях и лыжных гонках. Побывал четыре-пять раз в нарядах, большая часть в карауле. В общем, к фронтовым условиям нас готовили в максимально приближенных условиях. Большие нагрузки да к тому же зима, так что постоянно хотелось спать и чем-либо подкрепиться.

Кормили нас хоть и калорийно, по 9-й курсантской норме, но нам молодым, здоровым и с большими нагрузками на свежем воздухе, конечно, не хватало. Поначалу, пока не привыкли, трудно было прищлось. Как и все, мечтал попасть в наряд по кухне, потому что только там можно было дополнительно поесть. Но по очереди взвод туда попадал всего раз в два месяца. И все-таки постепенно втянулись и перезимовали без особых потерь. Я, например, даже санчасть не по-

сещал, а, например, Алеша Черепенин там дважды побывал.

Полагаю, нас во всех смыслах хорошо подготовили к должности командира танка и взводного командира. Наши преподаватели – настоящие профессионалы и отличные методисты учили тому, что было необходимо на войне. Основной упор делался на изучение матчасти, вооружения, стрельбы, вождения, тактики.

Остальное – постольку-поскольку. Строевая подготовка, например, всего два часа в неделю. Всего пару раз постреляли из винтовки Мосина и из пистолета. Это так, чтобы немножко знать, главное – хорошо изучить танковое дело. Поэтому к концу обучения все хорошо ориентировались на местности, уверенно стреляли из танкового оружия, могли водить автомобили и танки. Со знанием дела обслуживали технику. Все стремились учиться хорошо, никого не отчисляли. К тому же у нас была такая традиция – тот, кто получил двойку, должен целый день носить клин затвора, а он тяжеленький...

Всех курсантов готовили исключительно на танк Т-34. Конечно, вначале досконально изучили матчасть, а потом довелось и пострелять из него три раза. Два раза вспомогательными снарядами во время учебы, и уже штатным на экзамене. А наводил я в училище до трех часов.

Вождение у нас преподавал капитан Ершов. Вроде как хороший, но уж больно горячий, нервный, все чего-то суетился. И только так материл нас, особенно тех, кто не справля-

ется. Но мы не держали на него зла – видно, родился такой шепутной.

А потом я как-то встретил выпускника конца 44-го года, расспросил его, и среди прочего он мне рассказывает: «Ершов погиб!» Оказывается, он там на занятиях как обычно бегал, суетился по-всякому, а курсант его не заметил и задавил.

У нас подобных несчастных случаев не было, но танковое дело без таких казусов не обходится. Всякие мелочи обязательно случались. Как-то тренировали посадку и высадку, я быстро заскочил, но люк упал мне прямо на голову. Очнулся под деревом, на меня льют холодную воду. Взводный спрашивает: «Помнишь?» – «Чего ж не помнить? Люком по башке бабахнуло...» – «Это тебе наука, чтобы лучше помнить танковое дело. Надо ловчее работать!»

Второй раз уже после войны, когда ротным был. Где-то на пень наскочили, и приложился так, что без памяти в госпитале оказался. Сотрясение мозга. Потом как-то тренировались, и три пальца люком прихватило. Но без таких казусов танкист не танкист.

И многих других преподавателей до сих пор хорошо помню. Начальник училища – полковник Николаев. Запомнилось, как на торжественном собрании по случаю 23 февраля мы его увидели при наградах и в только что введенных погонах. И сами стали мечтать о золотых погонах. Но ребята постарше нас осаживали: «Какие тебе золотые погоны? По-

левые получишь, а золотые только после войны. Если доживешь, конечно.»

Помню, командир нашего 1-го курсантского батальона – капитан Бурдин. Командир роты – старший лейтенант Худалеев. Отличные строевики, спортсмены – в общем, офицеры, достойные подражания. Правда, надо сказать, что из преподавателей почти никто не воевал. Только ротный, да и то он воевал еще на озере Хасан. Иногда вечером он приходил и кое-чего нам рассказывал. Но зато теорию они нам хорошо дали.

Вот, казалось бы, второстепенный предмет топография, но до того мне нравилось, как нам его преподает старший лейтенант, забыл, к сожалению, фамилию, что я стал очень добросовестно эту науку изучать. Ведь непонятно, в какой местности на фронте окажешься, а нужно заранее быть готовым ко всему. Если река на карте, то по ней надо сразу уметь определить ширину и глубину, чтобы знать, можем ли ее форсировать. Казалось бы, мелочь, но от таких «мелочей» зависит то, как ты спланируешь бой и соответственно его исход. Хотя если совсем честно сказать, то мы на фронте карту видели лишь изредка. Даже взводным их не давали, да и ротным лишь изредка.

И, конечно, особенно хорошо запомнил нашего взводного – лейтенанта Хижнякова, ведь он проводил с нами фактически все время: от подъема и до отбоя. Рослый, спортивный, настоящий строевик, правда тоже без опыта войны. И стар-

шину нашего отлично запомнил. Очень строгий. Ну, прямо очень. Но с ним мне удалось «подружиться».

Как-то через полгода учебы нам вдруг объявляют: «Кто из дома привезет нужные инструменты: топор, пилу, в этом роде, получит три дня отпуска». Я руку и поднял. Нужные инструменты собрал, но отец же опытный вояка, и он меня спрашивает: «А как у вас старшина?» – «Очень строгий!» – «Ну, вот что, передашь ему от меня подарок!» – и дает мне бутылочку спирта.

Вернулся, все гостинцы, что привез, сразу с взводом сели и съели, а бутылочку я старшине незаметно передал, и отношение сразу поменялось. Он же распределял наряды, и мог отправить либо в холодину на склад ГСМ или посыльным по штабу. Тут, я, конечно, стал получать «хорошие» наряды. Ребята даже косо поглядывать стали. А потом еще мама как-то раз приезжала и привезла уже два подарочка – один старшине и один взводному.

А вот в увольнительные ходить было некуда. Ближайшая железнодорожная станция Ильино находилась в пятнадцати километрах, а город Дзержинск в двадцати пяти. А о том, чтобы поехать в Горький, даже не мечтали. За девять месяцев, проведенных в училище, я там побывал всего два раза.

Как-то раз зимой меня направили в Горький на окружные соревнования по лыжам. Дело в том, что еще в начале войны, когда с фронта пошли тревожные новости, я для себя сделал вывод: «Дело-то затягивается, тут достанется и тебе, Коля...

А потому надо готовиться!» И я стал усиленно работать над собой. Зимой каждый день на лыжах ходил. Летом, если ходил плавать, то не по-детски, а надо было взять рубеж – проплыть полкилометра по реке. Поэтому я был готов к войне – и морально, и физически. Очень хорошо кроссы бегал, а на лыжах работал в пределах 1-го разряда и считался в училище одним из лучших лыжников. На занятиях помкомвзвода бывало, просил: «Тащи отстающих!» И того, кто начинает отставать, берешь под руку и тянешь за собой.

И летом съездил как-то раз. В июне 43-го немцы повадись бомбить Горький. А у нас за зиму в землянках столько клопов развелось, что не передать. Спать невозможно, словно тебя крапивой кто-то постоянно жарит. Дальше терпеть было просто невозможно, и решили от них избавиться.

В конце июня выбрали деньки с хорошей погодой, и нас с матрасами под сосны. А в землянки какие-то шашки покидали, чтобы отравить этих кровососов. И когда мы там под соснами спали, вдруг в полночь нарастает гул. Гудит-гудит, чувствуется, солидная группировочка летит. Потом стало пропадать, но через час со стороны Горького угу-угу-угу и зарево. Все повскакивали, но тут и так все ясно.

На вторую ночь то же самое. На третью звук уже поменьше. На четвертую еще меньше. Видать, наши подтянули дополнительные силы. Ведь каждый день они прилетали в одно и то же время, буквально минута в минуту, и наши уже знали, когда их ждать. В общем, так продолжалось шесть дней

подряд. А среди нас было немало горьковчан, и они, конечно, очень волновались за родных. Как только бомбежки прекратились, они собрались и пошли к командиру батальона с просьбой отпустить их в город, узнать, как там родные. Начальство пошло им навстречу.

А у меня приятель был из Горького, и он мне предложил: «Коля, поедem со мной! Если что, поможешь». А мне же интересно, я такого огромного города и в глаза не видывал. Любопытно посмотреть на такую махину. И он за меня попросил, а старшина, вероятно, не смог отказать. Видать сработала та бутылочка...

С его родителями, а жили они в Автозаводском районе, все оказалось в порядке. Но видели мы и кварталы, которые начисто разбомбили. Много людей погибло. Автозаводу тоже перепало. Рассказывали, что несколько цехов вывели из строя.

Его родители пригласили нас поужинать. Но угощать-то нечем, ведь не ждали нас. И мы с ними покушали какой-то супец. Но он сильно отдавал карболкой. А я привык, что у нас дома и в училище вода отличная, а тут прямо запах такой. Но отказаться вроде неудобно, пришлось съесть. Потом его спрашиваю: «Чем так воняет?» – «Так воду-то берут с Оки, а там ее обезвреживают какими-то химикатами».

Но зато я тогда, можно сказать, по-настоящему побывал в Горьком. В первый раз познакомился с таким большим городом. Увидел Волгу, пароходы, трамваи и многое другое.

По рассказам некоторых моих сослуживцев я знаю, что в училищах или запасных полках попадались такие командиры, которые всячески стремились задержаться в тылу и не попасть на фронт. Но у нас все было с точностью наоборот! Я знаю, что многие наши преподаватели просились на фронт, но их не отпускали. А просились они, потому что жили немногим лучше нашего. Я, например, лично видел, в каких условиях жил мой взводный, потому как несколько раз носил ему с кухни ужин. Он жил в землянке вместе с командиром 4-го взвода лейтенантом Матвеевым и говорил мне так: «Борисов, приди вечером, за ужином сходишь! А то у нас силы нет туда идти...» Понятное дело, пока туда сходишь, обратно, а как увидишь этот ужин, только раздражаешься. Тыловой-то харч не очень-то мощный был, а он же рослый мужик, спортивный.

Помню, пришел первый раз в офицерскую столовую, талоны их отдал, смотрю, повариха что-то там кинула ложками. Что-то думаю, маловато. Подвинул котелки к себе, смотрю, а там пустяк. А повариха увидела: «Ты чего там рассматриваешь?» – «Так вроде маловато, а лейтенант-то у нас рослый.» – «Где лейтенанта котелок? Давай сюда его!» – и еще ложку бросила туда.

Приношу им, они лежат на топчанах. Матвеев посмотрел: «Слушай, а чего у тебя каши больше?» А тот шутя и говорит: «Так надо своего ординарца посылать.» Вот так пошутили, но я понял, что им тоже несладко. Поэтому, когда несколь-

ко раз ходил, то всякий раз просил для них добавки. Когда добавляли, когда нет: «Чего ты тут, слушай, попрошайничаешь?» – «Так я не для себя.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.